

текст, издатель воздерживался от правки. Хотя константиновы документы переданы в «Жизнеописании» в худшем виде, нежели в параллельных свидетельствах, Винкельман и здесь исправлял текст лишь в случае крайней необходимости, полагая, что видоизменение текста принадлежало самому Евсевию, а не переписчикам.

В предисловии издатель характеризует также прежние публикации и переводы «Жизнеописания»³ и останавливается на некоторых проблемах, связанных с этим памятником. Проблем этих немало. Прежде всего — вопрос об аутентичности «Жизнеописания», который Винкельман решает положительно (с. LVI), допуская лишь «незначительные позднейшие вторжения в немногих местах»; правда, к числу этих «немногих мест» он относит и столь важную часть «Жизнеописания», как рассказ о видении Константина, предшествовавшем его обращению в христианство⁴. Позитивное решение вопроса об аутентичности ставит Винкельмана перед новой трудной проблемой: он констатирует, как я уже говорил, стилистический разноречивый «Жизнеописания» и думает найти объяснение в том, что Евсевий многократно перерабатывал книгу, вставляя в нее куски из других сочинений и умер, так и не завершив стилистической унификации (с. LVII). К сожалению, это — чисто гипотетическая конструкция, не опирающаяся на какие-либо прямые известия о творческой активности Евсевия.

Еще одна проблема — природа так называемых константиновых документов, включенных в «Жизнеописание». И в этом случае Винкельман решает вопрос в пользу их достоверности (с. LI, прим. 1), что подкрепляется прежде всего наличием папируса (Pap. Lond. 878), содержащего часть эдикта Константина от 324 г., отменявшего в Палестине антихристианские мероприятия Ликиния. Однако по-прежнему остается необъясненным несоответствие (в частности, стилистическое) между подлинными актами Константина, включенными в кодексы, и евсевиевыми документами.

Стилистические особенности «Жизнеописания» заслуживают всяческого внимания⁵, особенно если считать его произведением аутентичным. Винкельман ценит его невысоко (с. LII и сл., LVII и сл.), хотя и делает скидку на плохое состояние рукописной традиции. Здесь, однако, возникают два дополнительных вопроса: во-первых, в сколь большой степени стиль «Жизнеописания» разнится от стиля других сочинений Евсевия и, во-вторых, насколько отмеченные Винкельманом черты (с. LXI и сл.) — нагромождение синонимов, аллитерации, плеоназмы и т. п. — являются показателем дурного вкуса и насколько — предвестником византийской литературной манеры.

И наконец, последнее. Винкельман (с. XXVII и сл.) подчеркивает негативное отношение к «Жизнеописанию» со стороны византийцев (и в частности Фотия), видевших в его авторе арианина. Как известно, Фотий читал и другие сочинения Евсевия (Cod. 9—13, 27, 39), и если «Церковная история» не вызвала его возражений, то «Опровержение и Апологию» ученый патриарх осудил и за стиль, и за кощунство в богословских вопросах. Именно за эти пороки бранит он и «Жизнеописание».

По всей видимости, решение «евсевиевых проблем» может быть найдено лишь при изучении его наследия в совокупности. Академия наук ГДР сделала важное дело, приступив к его публикации

А. К.

Иноязычные источники об Армении и армянах, т. 8. Сирийские источники, вып. 1. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Г. Г. Мелконяна. Ереван, 1976, 478 с. (на арм. яз.)

Значение сирийских источников для изучения средневековой истории стран Ближнего Востока общепризнано. В советской историографии заслуга включения этих источников в научный оборот, тщательного комментирования и перевода на русский язык важнейших сирийских памятников принадлежит Н. В. Пигулевской.

³ Следовало бы также отметить русский перевод «Жизнеописания», см. *Евсевий Памфил*. Сочинения, т. II. СПб., 1850, с. 51—285.

⁴ См. подробнее *Winkelmann F.* Zur Echtheitsfrage der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea. — In: «*Studii Clasice*», 3, 1961; *idem.* Zur Geschichte der Authentizitätsproblem der Vita Constantini. — «*Klio*», 40, 1962. Новые работы о неаутентичности и интерпретациях в «Жизнеописании»: *Cataudella M. R.* Sul problema della «Vita Constantini» attributa a Eusebio di Cesarea. — «*Miscellanea di studi di letteratura cristiana antica*», 13, 1963 (под тем же названием в «*Oikumene*», 2, 1964); *idem.* La persecuzione di Licinio e l'autenticità della Vita Constantini. — «*Athenaeum*», 48, 1970; *Speigl J.* Eine Kritik an Kaiser Konstantin in der Vita Constantini des Euseb. — In: *Wegzeichen*. Festgabe H. Biedermann. Würzburg, 1971; Cp. *eme De Salvo L.* Il conflitto fra Costantino e Licinio nel racconto della Vita Constantini. — In: *Umanità e storia*. Scritti in onore di A. Attisani, II. Messina, 1971.

⁵ См. об этом: *Попова Т. В.* Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского Vita Constantini. — ВВ, 34, 1973. В отличие от Винкельмана Попова видит в «Жизнеописании» «произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действительных (курсив мой. — А. К.) попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения» (с. 129). Тезис этот, правда, остается недоказанным.

Продолжая эту традицию, Г. Мелконян представляет в своей книге армянский перевод четырех сирийских источников: «Историю Адиабены» Мшихи-Зехи, «Хронику» Иешу Стилита, «Хронику» Псевдо-Захарии Митиленского и третью, сохранившуюся часть «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Все эти памятники относятся к VI в. Необходимость такого подбора продиктована тем, что армянская историография, столь богатая в V в., в следующем столетии не дала ни одного сочинения. «История Адиабены» сообщает интересные подробности об одном из древних центров христианской культуры, способствуя тем самым освещению некоторых идентичных явлений в соседних странах, в частности, в граничащей с Адиабеной Армении. Хроники Иешу Стилита и Псевдо-Захарии являются ценнейшими источниками по истории византийско-персидских отношений в конце V—начале VI в. Поскольку конфронтация двух великих держав в течение длительного времени происходила в Месопотамии и Армении, то эти источники, помимо общеполитических содержат сведения и о внутренней жизни этих стран. В «Истории» Иоанна Эфесского византийско-персидским отношениям, но уже в постюстиниановское время, также посвящены многие страницы. Значительное место занимает в ней и религиозная политика Константинополя по отношению к монофиситам восточных областей империи.

Переводы указанных памятников снабжены примечаниями и специальными историко-филологическими очерками, в которых Г. Мелконян сообщает необходимые данные о жизни и деятельности их авторов и об использованных ими источниках. В этих очерках дается историографическая характеристика хроник, а также изучены многие другие вопросы. В частности, при анализе «Истории» Мшихи-Зехи затрагиваются вопросы о распространении христианства в Адиабене (с. 40—56) и об армянских источниках по истории этой области (с. 56—60); в очерк о «Хронике» Иешу Стилита включены параграфы: «Хроника и события в Армении» (с. 133—143) и «Армянские источники о событиях VI в.» (с. 143—148); в разделе, посвященном «Хронике» Псевдо-Захарии, обсуждаются следующие проблемы: «Хроника и религиозные вопросы» (с. 237—248) и «Сирийский компилятор как источник по истории варварских народов» (с. 249—255), а в разделе, посвященном «Истории» Иоанна Эфесского, — «Сведения Иоанна Эфесского об армянах» (с. 356—379). Таким образом, благодаря этим разделам, переведенные источники получают и свое историографическое разъяснение в той мере, в какой это может удовлетворить армениста.

Л. А. Тер-Петросян

W. H a h n. *Moneta Imperii Byzantini*, Bd. 1—2. Wien, 1973—1975, 141+42+XIII; 146+40+XIII.

Все до сих пор издававшиеся каталоги византийских монет, включая и самые поздние (см. ВВ, XXX, 1969, с. 285 и сл.; ВВ, 37, 1976, с. 283—286), были в своей сущности обзорами той или иной коллекции, хотя и с известными дополнениями по иным собраниям. Книга австрийского нумизмата В. Хана построена по новому принципу, который можно было бы назвать не коллекционным, а эмиссионным. Ученные изделия распределяются по царствованиям, далее по материалу (золото, серебро, медь) и, наконец, по официнам (монетным дворам). Таким образом воссоздается картина всех типов монеты, чеканившейся в Византии (и в соседних странах — по образцу Византии).

Публикация складывается из списка монетных типов (в особом разделе указывается, в каком собрании представлены те или иные монетные типы), фотографического изображения каждого типа и удобных обзорных таблиц чеканки, показывающих, какие виды монеты выпускались каждый год всеми монетными дворами. Публикация предваряется сжато сформулированными сведениями относительно организации монетного дела, метрологии, датировки монет, а также характеристикой монеты для каждого царствования. Первые два тома охватывают время от Анастасия I до падения Фоки (491—610), т. е. преимущественно VI столетие. Помимо собственно византийской монеты, учитывается чеканка остготов и вандалов.

Преимущества сводной работы Хана перед коллективными каталогами очевидны, хотя, разумеется, отдельные уточнения и дополнения возможны, и автор предполагает включать в каждый последующий том поправки к предыдущему. Поскольку Хан не упоминает публикации В. В. Кропоткина,¹ учитывающей ряд находок, не входящих в издание И. Толстого (использованное Ханом), возникает, в частности, вопрос, в какой степени монетные находки на территории СССР вовлечены в круг внимания автора. Так, Кропоткин отмечает по крайней мере пять находок золотых монет Анастасия I (№ 133, 138, 141, 313, 473), из них только одна поступила в Эрмитаж, на собрание которого ориентирована публикация Толстого.

Задача Хана состояла в том, чтобы собрать и классифицировать типы византийской чеканки, и эта задача выполнена. Однако историка интересуют не только форма и место монетной эмиссии: важно знать, сколько монет того или иного типа сохранилось и — ориентировочно — сколько было выпущено, далее — куда проникала ви-

¹ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.